

Светлана Шумило
SVETLANA SHUMILO¹
[HTTPS://ORCID.ORG/0000-0003-2633-284X](https://orcid.org/0000-0003-2633-284x)

Rocznik Teologiczny
LXIV – z. 3/2022
s. 601-622
DOI: 10.36124/rt.2022.22

Антитезы и антиномии в переводных литургических текстах Древней Руси

Antitezy i antinomii v perevodnyh liturgiĉeskikh tekstah Drevnej Rusi

Antitheses and antinomies in translated liturgical texts of Ancient Russia

Ключевые слова: Антиномия, антитеза, литературный парадокс, Октоих, Минея, Триодь

Key words: Antinomy, antithesis, literary paradox, Octoechos, Menaion, Triode

Резюме

Переводная славянская гимнография, как и оригинальная византийская, содержит большое количество антитез и антиномий, которые, очевидно, являются одной из важнейших поэтикальных черт литургических текстов. На наш взгляд, эти поэтические средства послужили образцом для многих оригинальных славянских произведений, поэтому исследование антитез и антиномий в переводной гимнографии является важной задачей медиевистики, в частности, литературоведческой. В статье рассмотрены наиболее яркие антитезы и антиномии воскресной, рождественской и страстной служб.

¹ Dr Svetlana Šumilo, Państwowy Uniwersytet „Czernihowskie Kolegium“ im. T. Szewczenki.

Abstract

Translated Slavic hymnography, like the original Byzantine hymnography, contains a large number of antitheses and antinomies, which, obviously, are one of the most important poetic features of liturgical texts. In our opinion, these poetic means served as a model for many original Slavic works, therefore, the study of antitheses and antinomies in translated hymnography is an important task of medieval studies, in particular, literary criticism. The article deals with the most striking antitheses and antinomies of the Sunday, Christmas, and Passion services.

Гимнография является одним из основных литературных источников для литературы Древней Руси, изучение поэтики литургических текстов должно стать важной задачей медиевистики, поскольку это позволит глубже понять средневековые жития и проповеди, в особенности стиля *плетение словес*, испытавшего на себе сильнейшее влияние богослужебных произведений.

Одним из важных стилистических приемов средневековой гимнографии является антитеза – сопоставление конкретных представлений и понятий, связанных между собой общей конструкцией или внутренним смыслом („Antiteza” 1962, 242). Существенным условием антитезы является соподчинение противоположностей объединяющему их общему понятию, или общая на них точка зрения. Антитетические понятия или образы могут своей *совокупностью* выразить нечто *единое*. В таком случае антитеза обычно отражает или контраст, заключающийся в самом содержании выражаемого предмета, или величину предмета („Antiteza” 1925, 33).

Одной из разновидностей антитезы называют художественный парадокс. В литературе под этим термином понимают совмещение в одном высказывании явлений действительности, которые противоречат друг другу в силу сложившихся в данном обществе представлений. Суть литературного парадокса заключается в противоречии между авторским представлением о действительности и общепринятыми взглядами (Glazunova 1998,

40). Современное литературоведение, в частности О. И. Глазунова, отмечает, что парадокс в тексте играет усилительно-выделительную функцию, а, кроме того, нередко «лежит в основе большинства текстовых комических эффектов. На стилистическом и логическом парадоксах построены классические юмористические произведения и рассказы современных писателей-сатириков» (Glazunova 1998, 49).

Такая оценка текстуального парадокса справедлива для современной литературы. Средневековые произведения далеки от комичности и юмористичности, но, тем не менее, гимнографические тексты обнаруживают большое количество парадоксов, противоречий, антитез. Много антиномий находим мы и в древнерусских произведениях стиля *плетение словес*, которые нередко заимствуют художественные тропы из гимнографии.

Предлагаем рассмотреть использование антитезы как литературного приема сначала в гимнографических переводных произведениях, а затем – в оригинальных житиях и проповедях *плетения словес*. Мы исследуем лишь древнейшие богослужения – рождественские, воскресные и страстные, – которые одними из первых переводились на славянский язык после обращения славян в христианство и могли оказывать сильнейшее влияние на стиль оригинальной литературы.

Чаще всего антитезы встречаются в тех гимнографических текстах, где противопоставляются божественное и человеческое начала в Богочеловеке, а также Его временная смерть и бессмертие, Его муки на Кресте и спасительность этих страданий для человечества. Христос, таким образом, соединяет несоединимое. Парадоксальность этого соединения, которая, очевидно, сильно воздействовала на восприятие древних христиан, отражена в большинстве стихир рождественских, воскресных и страстных служб при помощи различных антитез, усиленных синонимическими или корневыми повторами, аллитерацией

или ассонансами, морфологической рифмой и параллелизмом синтаксических конструкций.

Об аллитерации, ассонансах, рифме и особенностях синтаксиса в славянской гимнографии можно говорить лишь с достаточной степенью приближения, поскольку речь идет о переводных произведениях. Нужно учитывать, однако, что наши предки, книжники Древней Руси, читали и слушали эти произведения в переведенном виде, так что все эти стилистические особенности воспринимались ими уже через призму перевода и, думается, именно таким образом оказывали влияние на оригинальное книжное творчество. Кроме того, следует иметь в виду творческий подход переводчиков, которые, видя определенные стилистические особенности оригинальных греческих произведений, старались максимально точно отразить их эстетику в переводах и на их примерах изучали гимнографическую стилистику. Именно поэтому мы позволяем себе рассматривать литературные приемы в переводных текстах, хотя, несомненно, их рассмотрение в оригинальных греческих рукописях также представляло бы интерес для отдельного исследования.

Антитезы в службе Рождества Христова (по текстам Минеи праздничной и декабрьской)

Рассуждая об использовании антитез в богослужении, мы постараемся не только перечислить их и показать способы их усиления. Важно осветить их роль в общем тексте службы, поскольку, на наш взгляд, антитеза является одной из основных стилистических фигур гимнографического текста, играет решающую роль в выражении главной идеи и, следовательно, должна рассматриваться в непосредственной связи с общим анализом произведения.

Первая рождественская стихира на вечерне развивает тему противоречия между божественной сущностью Христа и его

«рабѣим зраком», используя прием смысловой антитезы „неизменныи бо образъ отецъ (...) зрак раба приемлетъ” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 259).

Противопоставление подчеркивается использованием синонимов *образ* и *зрак*, стоящих рядом с контекстуальными антонимическими парами: *Отецъ – рабъ* и *неизменный – приемлетъ*. Последняя пара нуждается в пояснении: с одной стороны, имеется в виду Тот, что никогда не изменяется, с другой – Тот, что принял на себя некий иной образ, то есть изменился.

Еще ярче это противопоставление прослеживается в следующей строке той же стихиры – здесь оно подчеркивается использованием однокоренных слов и аллитерации: „еже но бѣъ пребысть (...) и еже не бѣъ приатъ” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 259).

Переводчик этого текста, думается, намеренно повторяет букву б. Она является одной из самых любимых славянами букв, как считает Т. В. Рождественская (*Roždestvenskaâ* 2004, 539), поскольку символизирует собою слово *Бог*. Повтор однокоренных слов, паронимов или даже одного и того же звука служит усилению противопоставления.

Рассмотрим еще несколько антитез, построенных на смысловых повторах. Тропарь между паремиями рождественской вечерни построен на противопоставлении славы Божией и убогости первого пристанища рожденного Христа „тайно родилъ сѧ еси во вертепѣ, но небо тѧ всѣмъ проповѣда” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 261).

Противопоставление *тайно* и *всѣмъ проповѣда* подчеркивается последующими стихами, образующими с этим тропарем текстуальное и музыкальное целое и объединенными с ним единым рефреном. Каждый из стихов, находящихся между третьей и четвертой паремиями, развивает ту мысль, которая высказана во второй части приведенной нами антиномии, а именно – о широкой проповеди Рождества, совершившейся без малейшего усилия со стороны самого святого семейства. Так, первый стих указывает на то, что весть о Вифлееме и о Богородице давно

пронеслась среди людей: „преславнага глаголаша о товѣ, градѣ вожни” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 261об.).

Второй стих повествует о том, что рождение младенца стало известно среди иноплеменников: „се иноплеменици и тиръ, людие ефиопъстии, сии быша тѣ” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 261об.).

Третий тропарь указывает на то, что Сам Господь поведал людям о Своем Сыне через пророчества: „господь повѣсть во книгахъ людемъ, и княземъ симъ, бывшимъ во немъ” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 261об.).

А после этого вновь повторяется уже цитированный нами тропарь с его противопоставлением тайного рождения и громкой проповеди о нем.

Следует принять во внимание, что тропарь со стихами исполняется между паремиями, состоящими практически полностью из ветхозаветных пророчеств о Рождестве Мессии и, следовательно, составляет некое смысловое и богослужбное единство с ними. Однако паремии без тропаря с его антитезой *тайна – проповедь* утратили бы глубину своего звучания. Таким образом, парадоксальное соединение таинственности и широкой известности о Мессии, которое проходит через все Евангелие, подчеркивается в самом начале рождественского богослужения при помощи литературного приема антитезы.

Этот прием не является случайной находкой гимнографа: авторы службы (предположительно Иоанн Дамаскин и Косьма Майюмский, которые указаны во всех минеях перед рождественской службой в качестве авторов) используют антитезы в строгом соответствии с композицией и жанровыми особенностями произведения. Так, следующее смысловое противопоставление мы встречаем во втором паремийном тропаре, между шестым и седьмым чтением. На сей раз убогий вертеп противопоставляется величию Божества. Здесь использован корневой повтор, усиливающий антитезу: „и звѣзда та показа во вертепѣ, во мѣщанца са невоместимого” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 263).

Антиномические слова соседствуют друг с другом в песнопении, что делает еще более ярким и запоминающимся их парадоксальное соединение. Как и в случае с первым паремийным тропарем, стихи, перемежающие повтор второго тропаря, подчеркивают его главную идею: величие Божества.

Первый стих актуализирует идею о непреходящей славе Господней: „господь воцари сѧ, въ лепотоѸ сѧ облече, ибо Ѹтверди вселеннѸю, ѧже не подвижи сѧ” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 263об.).

Второй стих указывает на то, что даже природа славит Господа (и одновременно служит аллюзией на следующий за Рождеством праздник Крещения, в котором проявится эта слава): „воздвигоша рекы, господи, воздвигоша рекы гласы свои” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 263об.).

Третий стих усиливает это впечатление, расширяя идею о славословии природы: „дивъны высоты морскыѧ, дивенъ во высокыхъ господь” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 263об.).

Следует отметить, что в третьем стихе есть и собственное противопоставление, выраженное в парадоксальном соединении слов *высоты морскыѧ* и усиленное корневыми повторами: *дивны – дивенъ, высоты – въ высоких.*

Как и в случае с первым тропарем, все стихи и второй тропарь образуют композиционное единство, имеют общий рефрен и завершаются повторным исполнением тропаря.

Чтение паремий заканчивается пророчеством Исаии (главы 7 и 8), которое метафорически описывает Личность Мессии, указывая на Его необыкновенные свойства и говоря о Нем как о Чуде, – Том, Кто соединил в Себе несоединимое. Эта идея повторяется в стихирах, исполняющихся в конце вечерни.

Нужно отметить, что именно стихиры как жанр чаще всего насыщены различными поэтическими приемами, и, в частности, художественными парадоксами. Так, в стихирах на литии заключена идея о соединении несоединимого: неба и земли, Бога

и человека. Она выражена в таких противопоставлениях: „Днесь богъ на землю прииде, и человѣкъ на небеса возыиде” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 265), „Днесь видимъ есть плотию (...) иже естествомъ невидимыи” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 265).

Смысловая антиномия усиливается анафорой, корневым повтором и глагольной рифмой, которую мы наблюдаем в первом из приведенных примеров. Там же можно наблюдать последовательное противопоставление разных членов синтаксической конструкции: подлежащее в первой части предложения противопоставлено подлежащему во второй части, сказуемое – сказуемому, дополнение – дополнению: *Бог – человек, сниде – възиде, Землю – небеса*.

Во второй цитате перед нами менее очевидная, но, скажем так, более изящная антитеза. Здесь противопоставляются однокоренные слова: *невидимы* и *видим* через антиномичность слов *плоть* и *естество*, которые, в применении их к человеку, скорее играли бы роль синонимов. Но по отношению к Богу эти слова являются антонимами: Бог невидим по Своему естеству, то есть по Своей природе, однако Он становится видимым по плоти, когда воплощается в человека. Осознание этого еще сильнее разводит противопоставленные понятия *Бог* и *человек*: то, что для человека является единым – *плоть* и *естество*, – для Бога является противоположным.

С. С. Аверинцев, исследуя византийскую гимнографию, отмечает, что то *παράδοξον* (*неимоверное*) – одно из наиболее характерных слов в лексиконе византийской риторики (Averincev 2004, 151). Греческое слово *парадокс*, которое переводилось на церковнославянский как *таинство* или *чудо*, нередко присутствует в самом тексте рождественского богослужения. Так, первая стихира на стиховне является цепочкой парадоксальных утверждений о Христе. Эта стихира начинается как славословие чуда «велие и преславное чюдо соверъши са днесь» (*Mineâ prazdničnaâ*,

fol. 265об.). А далее через запятую перечисляются логические парадоксы безсеменного воплощения: „дѣва раждаетъ, и Ѹтроба не истлѣваетъ, слово въплощаетъ са, и отѣца не отълаѹчаетъ са, аггели съ пастырьми славатъ» (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 266).

Последняя синтагма может быть воспринята и не как антиномическая, но в ряду других, вероятно, она тоже указывала на необычность, парадоксальность ситуации: совместного славословия небесных сил и простых пастухов.

Иногда антитеза вписана в синонимический ряд, и на фоне многократного выражения какой-либо идеи через ее варьирование внезапно возникающая антиномия выглядит ярко и неожиданно, что, несомненно, выполняет свою эстетическую функцию так, как это задумал автор. Так, в анатолиевой стихире на стиховне читаем „дары чєстныа приношахоу: искоушено злато јако царю векомъ, и ливанъ, јако богу всѣхъ, јако трєднєвньому же мертвецю змироу бесмертному» (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 266).

Перечисляя дары, которые были принесены Христу волхвами, гимнограф сначала раскрывает через них символичность божественного воплощения: Христос есть Царь, как бы говорит он, потому Ему принесли золото, Христос есть Бог, потому Ему принесли ливан. И далее следовало бы сказать: Христу принесли ладан, потому что Он умрет. Но автор не удовлетворяется этим и добавляет: *как мертвецю – Безмертному*. И однокоренные слова, и предыдущие вполне логичные высказывания о назначении даров усиливают действие этой антитезы.

Иной прием видим в следующей, славной, стихире на стиховне. Здесь автор воспевает восстановление падших Адама и Евы через Рождество Христа. Между строк читается противопоставление Евы и Богородицы, Адама и Христа, характерное для средневекового мировоззрения: „юже бо прельсти перъвие, оузъре содѣтелевоу бывшоую матеръ» (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 266–266об.).

Но это противопоставление не так явно, стихира лишь намекает на парадокс, или чудо, божественного промысла, сама же антитеза помещена в конце стихир и выражена однокоренными словами: „пльница греховныа раздреши пеленами” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 266–266об.). И менее очевидно, но более глубоко: „и младеньства ради евжины Ѹвръчуетъ иже во печалехъ волѣзни” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 266об.).

Так, явная антитеза используется автором для выражения, казалось бы, не самого важного: в качестве одного из членов антиномии гимнограф использует указание на детские пеленки, которыми пеленается Христос. Но благодаря этой очевидной антитезе реципиент прочитывает другие, менее очевидные противопоставления и сопоставления, находящиеся в области мировоззрения и богословия: *Ева – Богородица, Христос – Адам, Возведение в Рай* (через младенчество Христа) – *изгнание из Рая* (проклятие Евы родильными болезнями). Смыслы, раскрывающиеся за такими антитезами, могут быть разнообразны. Парадокс обретает символическое звучание, позволяя реципиенту самому домысливать его семантическое наполнение и углублять богослужебный текст, становясь соавтором, со-гимнографом.

Постепенно в рождественской службе акцент перемещается с пророческих предсказаний о Христе и широте проповеди о Нем на чудо безсеменного рождения, а затем – на чудо обожения человека через вочеловечение Бога. Эта формула – *вочеловечение Бога – обожение человека*», самый важный из всех парадоксов рождественского богослужения, – становится центральным на утрени Рождества. Первая утренняя стихира воспевает эту миссию: „слава и хвала иже на земли рожденному и ожививъшему земнородныхъ соущество” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 267).

Антитеза усиливается повтором однокоренных слов и слиянием двух слов из первой части антиномии – *на земли рожденному* – в одно слово во второй части – *земнородных*.

Каноны Рождества (в богослужении их традиционно два) практически не используют прием антитезы. Они менее лиричны, чем стихиры, акцентируют внимание реципиента на богословских идеях или на описании самого сюжета рождения Богомладенца. Лирическое звучание канона достигается за счет использования метафор и символов. Антитеза же как прием использована в ипокои: здесь снова противопоставляется убогость тех условий, в которых родился Христос, величию Божества: „не скупетры и престолаы, но последнею ницетою: чѣто бо хоуждеше вертепа, и чѣто смиренѣе пелен. въ нихъ же облиста божества твоего богатество” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 269).

Гимнограф (или несколько гимнографов: автор, компилятор и редакторы) верен своему композиционному принципу: тропари канона он пишет, используя метафоры, а все, что за пределами канона, неизменно строится на парадоксальных изречениях.

Так, единство несоединимого подчеркнуто в кондаке празднику: „дѣва днесь пресѣщественнаго рождаеть, и земля вертепъ неприкосновенному приносятъ” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 271).

Нельзя родить Того, Кто выше существа, нельзя положить в вертеп Того, Кто является неприступным, неосязаемым. Икос, который, как правило, раскрывает заложенную в кондаке идею, следуя непосредственно за ним, усиливает действие антиномий, обращая внимание реципиента на парадоксальную, чудесную, сущность Того, Кто рожден: „тѣ бо яви са корень ненапоенъ, прозвѣла отъпѣщение тѣ обрете са кладазь неископанъ, тѣ дѣва рождеша младенецъ” (*Mineâ prazdničnaâ*, fol. 271).

В девятой песни обоих канонов, в отличие от остальных текстов этого жанра, используются антиномии. Последний ирмос канона является одним из важнейших песнопений в богослужении, поскольку именно его используют в качестве задостойника на литургии (Skaballonovič 2008, 771). При его написании оба гимнографа отступают от принципа не использовать в каноне

слишком лирический компонент, передаваемый антиномическими сочетаниями. „таинствова странно вижоу и преславно: небо сѣци пещероу, престолъ херѣвимьскыи, дѣвица, ясли, вместилище, въ нихъ же възлеже невѣстимыи христосъ богъ, егоже възспѣвающе величдемъ” (*Mineâ, dekabr`*, fol. 323).

Все песнопение построено на противоречиях: *невместимый* Бог, вмещающийся в некое *вместилище*, Дева вместо божественного престола, пещера вместо небес. В ирмосе несколько раз указывается на парадоксальные условия божественного рождения и на сам факт этого рождения, для чего в греческом оригинале текста используется слово *парадокс*: „μυστήριον ξένον, ὁρῶ καὶ παράδοξον. οὐρανὸν τὸ Σπήλαιον θρόνον Χερουβικόν, τὴν Παρθένον τὴν φάτιν χωρίον ἐν ᾧ ἀνεκλίθη ὁ ἀχώρητος, Χριστὸς ὁ Θεὸς ὁ ἀνυμνοῦντες μεγαλύνομεν” (*To tēnaion dekambrios*).

Ирмос второго канона²: „подоваше намъ, яко без вѣды страхомъ, ѿдове молчати, любовию же, дѣво песнь сложити силою обостренною дѣло есть драго. но, о мати силъ, елико же бысть изволение, даждь” (*Mineâ prazdníčnaâ*, fol. 323об.).

Противоречие этого гимна не выражено так явно, как в ирмосе первого канона. Оно тематическое: „Нам бы лучше молчать, – говорит автор, – но любовь к Тебе, Дево, понуждает нас петь протяженные песни”. Антитеза подчеркнута двойным использованием корня *любовь*.

В стихирах, следующих за канонам, автор снова возвращается к использованию антитез. Так, например, последняя стихира *на хвалитех* использует традиционное для Рождества

² Мы были вынуждены использовать для рассмотрения рождественской службы две минеи – декабрьскую и праздничную, – поскольку ни в одной из них, как и во многих других минеях, нет полного набора ирмосов канона. Вероятно, это объясняется тем, что во время службы ирмосы исполнялись по ирмолюю, и потому часто в минеях указывали только первую строчку того или иного ирмоса.

противопоставление: „днесь христосъ въ вифлѣемѣ раждаетъ сѧ отъ дѣвы, днесь безначалныи начинаетъ сѧ” (*Mineâ prazdnícnaâ*, fol. 324).

Для текста характерны анафора и глагольная рифма. Стихира предлагает нам эту антитезу, как бы подытоживая весь текст службы.

Итак, рождественское богослужение содержит несколько противопоставлений, помогающих реципиенту уяснить сверхъестественную сущность Богомладенца и над-природную суть Его рождения. Антитезы расположены внутри службы в определенном порядке.

Так, сначала автор говорит о чудесном воплощении, о том, что Христос является единым с Отцом. Смысл антитез, представленный в начале вечерни (на *Господи воззвах*), можно выразить так: *На землю спускается Тот, Кому намного свойственнее находиться на Небе.*

Далее гимнограф предлагает вникнуть в чудо обстоятельства Рождества. Антитезы на вечерне, точнее на паремиях, заключают в себе такой смысл: *Тайно рождается Тот, о Ком громко проповедано.*

Далее гимнограф сосредоточивает наше внимание на том, для чего Бог спустился на землю: *Сегодня Бог пришел на землю, чтобы человек взошел на небо.*

В конце вечерни гимнограф углубляется в тему божественного домостроительства: *Тем путем, которым пал человек (через посредство Евы), он возводится на небо (через посредство Богородицы).*

Утренняя, как мы видели, развивает предложенные на вечерне антитезы, не предлагая новых противопоставлений и все более углубляясь в богословский аспект праздника.

В рождественской службе, пожалуй, чаще, чем в других, употребляется стилистическая фигура антитезы. Очевидно, Рождество воспринималось нашими предками как самое большое чудо, самый удивительный парадокс, поэтому его воспевание

было связано с использованием художественных парадоксов и противопоставлений.

Антитезы воскресных богослужений (по текстам Октоиха)

Антитезы используются также в текстах воскресных богослужений. Суть события воскресения передается здесь именно через противопоставления. Мы избрали в качестве материала для исследования воскресную службу пятого гласа, хотя, несомненно, могла быть рассмотрена служба любого другого гласа, ибо для демонстрации исследуемого приема достаточно представить одну из них, поскольку все они пользуются близкими антиномиями и художественными парадоксами.

Так, одна из ярких антитез встречается в ипокои праздника: „аггельскимъ зракомъ ѿмь съмѣщающѣ, и божественнымъ възстаніемъ дѣшѣ просвѣщающе, мироносицы апостоломъ благовѣствовахѣ: възвѣстите во ѣзыцехъ воскресѣніе” (*Oktoih*, fol. 7).

Замечательно противопоставление ума и души в этом тексте, подчеркивающее, что событие воскресения невозможно понять умом, но можно почувствовать при этом огромную радость от произошедшего. Антитеза усиливается морфологической рифмой слов: *смущающе* и *просвещающе*.

В воскресной службе противопоставления сосредоточены в каноне. Так, в тропарях канона читаем: „крестъ за дѣвѣо разѣмное, за сладкыя пища желчь, христе мои, приать, за тѣлѣние же съмерти кровь свою божественнѣю излиаль еси” (*Oktoih*, fol. 7).

Эта антитеза подчеркивает неблагодарность людей, которые *воздали* Христу крестной смертью за создание дерева познания и желчью – за напоение жаждущих в пустыне иудеев сладкой водою. Необходимо именно противопоставление, чтобы подчеркнуть, насколько страшным является такое *воздаяние*, насколько глубоко непонимание иудеев. Идея о непонимании не высказана прямо, но читается за приведенными противопоставлениями. Автор идет

далее – противопоставляет Христову кровь тлению смерти. Если бы этому предложению не предшествовало противопоставление Божиих даров и человеческого *воздаяния*, то здесь *кровь* и *тление смерти* не воспринимались бы как антитеза. Но именно в контексте антитетических конструкций *кровь Христова* и *смерть* вступают в антонимические отношения, а значит *кровь* прочитывается как *причастие* – то, что противостоит смерти. Такое восприятие Христовой крови особенно характерно именно для воскресного богослужения, в котором акцент не должен стоять на Христовых муках так ярко, как, скажем, на богослужениях Страстной седмицы или Пасхи. Здесь важно подчеркнуть спасительность Христовых мук и воскресения для людей и важность причастия, которое, надо думать, и совершалось для большинства людей в воскресный день.

К подобным противопоставлениям, акцентирующим внимание реципиента на спасительности страстей Христовых, следует отнести и такие тропари канона: „иже славьѣ господь въз неславнѣ образѣ на дрѣвѣхъ вѣсѣствованъ волю своєю виситъ, божественноую мнѣ славь неизрѣченно промышлѣа” (*Oktoih*, fol. 7об.), „ты ма предовлѣче въз нетление, христе, тлѣние съмерти нетлѣнно плътию възъсвиъ” (*Oktoih*, fol. 7об.). „приблизилъ са еси къ адъ, владыко христе, и тлѣние тлѣющемъ бывъ, тлѣниа ради источилъ еси възскресеие” (*Oktoih*, fol. 8).

Последние два тропаря демонстрируют виртуозную игру слов, построенную на корневых повторах и парадоксальных соединениях.

Кроме того, службы Октоиха содержат множество гимнов, посвященных Богородице. В них мы видим уже знакомые нам по рождественской службе противопоставления: „сздавы отъ несѣщихъ възсачъскаа, отъ тебе създади са чистына, тако благодѣтель, изволи” (*Oktoih*, fol. 8), „на рѣкѣ, иже възъ носецаго тако истиннаа дѣва мати понесла еси” (*Oktoih*, fol. 7).

Антитезы в этих случаях усилены корневыми повторами, игрой слов *Создатель – создатися, всё Носящего – понесла*.

Все тропари Октоиха, повествуя о Страстях, обязательно указывают на их спасительность, их значение для человека. Так, воскресная служба, явно опираясь на страстные песнопения, перерабатывает их, подчиняя идее спасительности Христовых мук.

Антитезы в богослужении Страстной седмицы и Пасхи (по текстам Цветной Триоди)

Иные смыслы заложены в антитезы предпасхальных богослужений. Страстные службы призваны сосредоточивать внимание реципиента не на спасительности Христова пришествия, а на сострадании Христу, поэтому антиномии страстного цикла в Цветной Триоди выстроены иначе – с максимальным акцентом на несправедливости казни Христа, ужасе Его страданий и нечувствительности к ним иудеев. Обратимся к Триоди и рассмотрим некоторые ее песнопения с точки зрения использования антитез.

Так, самое пристальное внимание Страстям уделяется в службе Великой пятницы. В одном из первых антифонов, которыми перемежается чтение страстных евангельских отрывков, читаем: „посреде же продающихъ самъ стояше еси невидимо, продаемьи. сердцеведече пощади дѣша наша” (*Triod' cvetnaâ*, fol. 54).

Речь идет о совете Иуды с книжниками о цене предательства. Смысловое противоречие здесь не прямое, скрытое, призывающее помнить, что от Бога нельзя скрыть никакой тайной беседы. Этот смысл подчеркнут словом *сердцеведец* и повтором однокоренных слов. Начиная с этого антифона, служба удерживает внимание реципиента на теме предательства Иуды и противоестественности этого поступка. При помощи антитез гимнограф особенно ярко выделяет ту идею, что Иуда совершил нечто из ряда вон выходящее, то, чему противится здравый смысл. Думается, антитеза является наиболее подходящим тропом для передачи этого смысла.

Так, во втором антифоне сребролюбие Иуды противопоставляется милости Марии: „милостию богѸ оугодимъ, ѿкоже мариа на вечери, не стажимъ сребролюбиа, ѿко иѸда” (*Triod` cvetnaâ*, fol. 54).

Нестяжательность Марии, потратившей дорогое миро на омовение ног Христа, противопоставлена сребролюбивости Иуды, который сказал, что можно было бы это миро продать (Ин. 12: 1–6).

Третий антифон полностью посвящен названной теме: противоестественности поступка Иуды. Безумие Иуды подчеркнуто эпифорой: каждое песнопение заканчивается фразой: „*беззаконный же Иуда не восхоте разумети*”. Первая часть антифона противопоставляет этой фразе описание тех различных моментов, которые могли бы остановить Иуду, но которых он не захотел понять:

осанна тебе звахѸ дѸти еврейския. беззаконныи же иѸда не восхотѸ разѸмѸти; иоаннѸ вопросивъшѸ: господи, кто естъ предаанъ тѸ; сего хлѸбомъ показа. беззаконныи же иѸда не восхотѸ разѸмѸти; на тридесѸтихъ сребреницехъ, господи, и на лобзании льстивнѸмъ искахѸ иѸдеѸ Ѹбити тѸ. беззаконныи же иѸда не восхотѸ разѸмѸти; бдите и молитѸ са, да не внидете въ напасть, Ѹченикомъ своимъ, христе боже нашъ, глаголааше. беззаконныи же иѸда не восхотѸ разѸмѸти; на вечерѸ твоеѸ, христе боже, Ѹченикомъ своимъ предвѸщѸвааше: единъ отъ васъ предастъ мѸ. беззаконныи же иѸда не восхотѸ разѸмети; на Ѹмовении твоѸмъ, христе боже, Ѹченикомъ твоимъ предглаголааше: сице творите, ѿкоже видѸете. беззаконныи же иѸда не восхотѸ разѸмѸти (*Triod` cvetnaâ*, fol. 54–54об.)

В том, как и какие аспекты противопоставлены неразумию Иуды, можно видеть и хронологическую последовательность, и прием градации: автор начал с события входа в Иерусалим и закончил теми последними словами, которые мог слышать Иуда перед своим выходом из горницы тайной вечери. Градация прослеживается в том, как нарастает напряженное противопоставление Иудиного поступка сначала разным проявлениям божественной природы Христа, затем – указаниям Христа на необходимость

служить друг другу, Его намекам на предстоящее предательство Иуды и, наконец, – конкретному предостережению Христа о том, что диавол будет пытаться ввести вас в обман. Краткость приведенных текстов и использование рефрена делают третий антифон удивительно лаконичным и гармоничным произведением, построенным на приемах антитезы, градации и эпифоры.

Четвертый антифон закрепляет эту идею о неразумии Иуды и его окончательном падении, причем, здесь также использовано противопоставление: „днесь иѿда оставляетъ ѿчителя и приемлетъ диавола” (*Triod` cvetnaâ*, fol. 54об.).

В том же антифоне развивается тема противостояния света и тьмы: „ослѣпляетъ са страстми и среблюбина, отъпадаетъ свѣта, омраченныи: како можааше видѣти, свѣтилника продавъ на тридесатиѿхъ сребреницеѿхъ; но намъ восина страдавыи за миръ” (*Triod` cvetnaâ*, fol. 54об.–55).

В этом тексте затронута тема страдания: антифоны тематически следуют за теми отрывками Евангелия, которые читаются между ними. И в пятом антифоне эта тема звучит уже достаточно громко, но пока еще как пророчество Христа о Себе. Христос акцентирует внимание на спасительности Своих страданий, а не на их ужасе, и при этом также используется прием противопоставления: „страждѿ, яко человекъ, и спасѿ, яко человекълюбець, въ ма верѿющаѿ” (*Triod` cvetnaâ*, fol. 55).

Шестой антифон посвящен перечислению, с одной стороны, тех благодетней, которые совершил Христос, а с другой – мучений, которые Он перенес. Здесь о страданиях рассказано уже от третьего лица, то есть, хронологически следуя за Евангелием, богослужение подразумевает, что в этот момент Христос уже на Кресте. И здесь уже не Он говорит о Себе, а Церковь упрекает убийц за злодеяние. Акцент поставлен на мучительности крестной смерти и бесчестности иудеев: „днесь на крестѣ пригвоздиша иѿдее господа пресекаша море жезлом и проведшаго ихъ въ пѣстыню. днесь

копиемъ ребра прободоша глзвами ранившаго ихъ ради египта. и желчию напиша манаи пици имъ одождившаго» (*Triod' cvetnaâ*, fol. 55).

Автор подчеркивает здесь не только действия Христа, но и тему Его единства с Богом-Отцом, потому что все перечисленные благодеяния относятся к периоду Ветхого Завета. Единство с Творцом должно еще более возвеличивать Христа в глазах убивающих Его иудеев и еще ярче демонстрировать безумие совершаемого.

Седьмой антифон написан от имени претерпевающего страдания Христа, Который говорит, что в Его силах представить двенадцать легионов ангелов, чтобы спасти Свое тело от мучений, но ради исполнения домостроительства Божия лучше оставить на земле двенадцать учеников. Противопоставление огромной армии двенадцати напуганным ученикам призвано актуализировать христианскую мысль о силе, которая совершается в немощи, собственно силе идеи. Антитеза здесь усилена числовым повтором: двенадцать легионов и двенадцать учеников. Следующий за этим стих седьмого антифона также использует числовое противопоставление: он посвящен троекратному отвержению и троекратному покаянию апостола Петра. Эстетический эффект, таким образом, достигается сочетанием приемов антитезы, повтора и числовой символики.

Восьмой антифон построен на противопоставлении Христа, во-первых, Его убийцам, а во-вторых, тому разбойнику Варавве, которого иудеи выбирают вместо Христа быть помилованным: „да распнетъ ся, вопиахъ твоихъ даровъ присно наслаждыше ся, и злодѣя блгодетеля вмѣсто прошахъ прияти, праведныхъ ѹбица» (*Triod' cvetnaâ*, fol. 55).

Гимнограф намеренно наполняет диалогами и описаниями те антифоны, которые хронологически сопоставлены с пребыванием Христа на Кресте: при помощи разного рода амплификаций и драматизации автор демонстрирует

мучительность и длительность этого времени, так что реципиент слышит все то, что произносит Христос на Кресте или то, что Он мог бы произносить за долгие часы Своих мучений. Этому посвящен девятый антифон, – здесь противопоставление желчи и укуса еде и питью усиливает описание мук, – в конце которого уже появляется упоминание о грядущем восстании, которое несколько смягчает страшные картины страданий: „ДАША ВЪ СНЕДЬ МОЮ ЖЕЛЧЬ, И В ЖАЖДѢ МОЮ НАПОИША МА ОЦТА. ТЫ ЖЕ ВЪСКРЕСИ МА И ВОЗДАМЪ ИМЪ” (*Triod` cvetnaâ*, fol. 56об.).

Эта же тема еще раз прозвучит в двенадцатом антифоне, где желчь и уксус противопоставлены манне и сладкой воде, а Крест – исцелению прокаженных и воскрешению мертвецов. Двенадцатый антифон благодаря большому количеству противопоставлений особенно ярко отражает противоестественность смерти Христа и ее промыслительность – говорит о том спасении всех народов, которое за нею последует: „ЛЮДИЕ МОИ, ЧТО МИ ВОЗДАСТЕ, ЗА МАННѢ ЖЕЛЧЬ, ЗА ВОДѢ ОЦЕТ, ЗА ЕЖЕ ЛЮБИТИ МА КО КРЕСТѢ МА ПРИГВОЗДИСТЕ. (...) НЕ ТЕРПА КЪ ТОМѢ ПРОЧЕЕ, ПРИЗОВѢ МОЯ ЯЗЫКИ, И ТИИ МА ПРОСЛАВЯТЪ СО ОЦЕМЪ И ДѢХОМЪ” (*Triod` cvetnaâ*, fol. 57).

Пятнадцатый антифон завершает собой цикл страстных антифонов. Он перекликается с первыми текстами этой службы: в нем противопоставляется величие Божества как Творца и позорная смерть на кресте. Антитезы вновь подчеркнуты использованием однокоренных слов. „ДНЕСЬ ПОВѢШАЕТЪ СЯ НА ДРЕВѢ, ИЖЕ НА ВОДАХЪ ЗЕМЛЮ ПОВѢШИ, ВЪНЦЕМЪ ОТЪ ТРЪЗНИА ОБЛАГАЕТЪ СЯ, ИЖЕ АГГЕЛОМЪ ЦАРЬ, ВЪ ЛОЖНѢ БАГРЯНИЦѢ ОБЛИЧИМЪ ЕСТЬ ОБЛАЧАА НЕВО ОБЛАКИ, ѲДАРЕНИЕ ПРИАТЪ ИЖЕ ВЪ ИОРДАНѢ СВОБОДИВЫИ АДАМА” (*Triod` cvetnaâ*, fol. 57).

Итак, антитезы, используемые в богослужении Страстной пятницы, сосредоточены на самом страдании Христа, а также – на мысли о противоестественности этого убийства и подлости Иудиного предательства. Прием противопоставления также

помогает автору создавать амплификации там, где нужно подчеркнуть тянущееся время страданий.

Заключение

Гимнограф-литургист использует антитезу в качестве одного из основных приемов своего творчества. Очевидно, средневековый человек воспринимал соединение несоединимого как свойство Божества, как природу чудесного.

Стилистический прием антитезы становится распространенным и в проповедях и житиях древнерусских авторов, поскольку они используют гимнографию как литературный источник. Особенно ярко это отобразится в литературе стиля *плетение словес*, которая будет изобиловать разного рода антиномиями и антитезами, что и составит одну из ее выразительных особенностей.

Литература

- „Antiteza.” 1925. W *Literaturnaâ ênciklopediâ: Slovar` literaturnyh terminov*. V 2-h t. T. 1: A–P. Pod red. Nikolaâ Leont`eviça Brodskogo. Moskva; Leningrad: Izdatel`stvo L.D. Frenkel` : 33.
- „Antiteza.” 1962. W *Kratkaâ literaturnaâ ênciklopediâ*. Tom 1. Pod. red. Alekseâ Aleksandroviça Surkova, 1088. Moskva: Sovetskaâ ênciklopediâ.
- Averincev, Sergej Sergeevič. 2004. *Poètika rannevizantijskoj literatury*. Sankt Peterburg: Azbuka-klassika.
- Glazunova, Ol`ga Igorevna. 1998. „Paradoks kak princip organizacii teksta.” *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* 3: 39–49.
- Mineâ prazdničnaâ*. Rukopis`. Nacional`naâ Biblioteka Ukrainy imeni V. Vernadskago, Fond I, № 7494. XV v.
- Mineâ, dekabr`*. Rukopis`. Rossijskaâ gosudarstvennaâ biblioteka, sobranie Troice-Sergievoj lavry, Fond 304 I, № 504. XV v.
- To mēnaion dekambrios. Tēi ke` tou autou mēnos dekembriou*. Dostęp 2020.12.10. <http://glt.goarch.org/texts/Dec/Dec25.html>.

- Oktoih, glas 5. Rukopis'.* Nacional'naâ Biblioteka Ukrainy imeni Vernadskago, Fond 30I, № 340. XV v.
- Ostapczuk, Jerzy. 2018. „Liturgiĉeskie osobennosti v strukture rukopisnyx evangelij soborno-prixodskogo bogosluŹeniâ iz afonskix monastyrskix xraniliš” *Slovo* 68: 289-308.
- RoŹdestvenskaâ, Tat'âna Vsevolodovna. 2004. „Novonajdennye drevnerusskie nadpisi-graffiti Martir'evskoj paperti Novgorodskogo sobora.” *Trudy otдела drevnerusskoj Literatury* 55: 536–548.
- Skaballonoviĉ, Mihail Nikolaevič. 2008. *Tolkovyj tipikon*. Moskva: Izdatel'stvo Sretenskogo monasty'râ.
- Tofiluk, Jerzy. 2020. „Miłosierdzie BoŹe w tekstach Triodionu Postnego.” *Rocznik Teologiczny* 62 (4): 1245-1261.
- Triod' cvetnaâ. Rukopis'.* Rossijskaâ gosudarstvennaâ biblioteka, sobranie Troice-Sergievoj lavry, Fond 304 I, № 399. XVI v.
- Zozul'ak, Ján. 2018. *Inquiries into Byzantine Philosophy*. Berlin: Peter Lang.
- Zozul'ak, Ján. 2021. „The influence of Greek Spirituality on Russian Culture.” *Religions* 12(7): 455. <https://doi.org/10.3390/rel12070455>.

CHRZEŚCIJAŃSKA AKADEMIA TEOLOGICZNA
w WARSZAWIE

Rok LXIV

Zeszyt 3

ROCZNIK TEOLOGICZNY

WARSZAWA 2022

REDAGUJE KOLEGIUM

dr hab. Jakub Sławik, prof. ChAT – redaktor naczelny

dr hab. Jerzy Ostapczuk, prof. ChAT – zastępca redaktora naczelnego

prof. dr hab. Tadeusz J. Zieliński

dr hab. Borys Przedpełski, prof. ChAT

dr hab. Jerzy Sojka, prof. ChAT – sekretarz redakcji

MIĘDZYNARODOWA RADA NAUKOWA

JE metropolita prof. dr hab. Sawa (Michał Hrycuniak), ChAT

bp prof. dr hab. Wiktor Wysoczański, ChAT

abp prof. dr hab. Jerzy Pańkowski, ChAT

bp prof. ucz. dr hab. Marcin Hintz, ChAT

prof. dr hab. Atanolij Aleksiejew, Państwowy Uniwersytet w Petersburgu

prof. dr Marcello Garzaniti, Uniwersytet we Florencji

prof. dr hab. Michael Meyer-Blanck, Uniwersytet w Bonn

prof. dr hab. Antoni Mironowicz, Uniwersytet w Białymstoku

prof. dr hab. Wiesław Przyczyna, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie

prof. dr hab. Eugeniusz Sakowicz, Uniwersytet Kardynała Stefana Wyszyńskiego
w Warszawie

prof. dr hab. Tadeusz Stegner, Uniwersytet Gdański

prof. dr Urs von Arx, Uniwersytet w Bernie

prof. dr hab. Piotr Wilczek, Uniwersytet Warszawski

Redakcja językowa – Kalina Wojciechowska

Skład komputerowy – Jerzy Sojka

W związku z wprowadzaniem równoległej publikacji czasopisma w wersji papierowej i elektronicznej Redakcja „Rocznika Teologicznego” informuje, iż wersją pierwotną jest wersja papierowa.

BWHEBB, BWHEBL, BWTRANSH [Hebrew]; BWGRKL, BWGRKN, and BWGRKI [Greek]

PostScript® Type 1 and TrueType fonts Copyright ©1994-2013 BibleWorks, LLC.

All rights reserved. These Biblical Greek and Hebrew fonts are used with permission and are from BibleWorks (www.bibleworks.com)

ISSN 0239-2550

Wydano nakładem

Wydawnictwa Naukowego ChAT

ul. Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa, tel. +48 22 635-68-55

Objętość ark. wyd.: 18,5. Nakład: 100 egz.

Druk: druk-24h.com.pl

ul. Zwycięstwa 10, 15-703 Białystok

SPIS TREŚCI

ARTYKUŁY

ELENA NIKITICHNA MESHCHERSKAYA, <i>Apocryphal Testimonies about Bishop James in the Syriac work the Exodus of Mary</i>	591
СВЕТЛАНА ШУМИЛО, <i>Антитезы и антиномии в переводных литургических текстах Древней Руси</i>	601
BORYS PRZEDPELSKI, <i>Stosunki mariawicko-rzymskokatolickie o charakterze nieformalnym w latach 1945-1970</i>	623
МИХАИЛ АНТОНЮК, <i>Понятие антиномия согласно прот. Иоанну Мејендорфу</i>	663
DOMINIK TOMCZYK, <i>Głosolalia Boga i człowieka. Aspekt lingwistyczny</i> ..	675
OLEKSANDR BILASH, MARIYA MENDZHUL, <i>The phenomenon of "Soviet atheism" and its consequences for the family law of Ukraine</i>	707
Wykaz autorów	736

Contents

ARTICLES

ELENA NIKITICHNA MESHCHERSKAYA, <i>Apocryphal Testimonies about Bishop James in the Syriac work the Exodus of Mary</i>	591
SHUMILO SVETLANA, <i>Antitheses and antinomies in translated liturgical texts of Ancient Russia</i>	601
BORYS PRZEDPELSKI, <i>Informal relations between the Mariavite and the Roman Catholic Church in the years 1945-1970</i>	623
MYKHAIL ANTONIUK, <i>The term Antinomy according to Protopresbyter John Meyendorff</i>	663
DOMINIK TOMCZYK, <i>Glossolalia of God and Man. Linguistics versus Theology</i>	675
OLEKSANDR BILASH, MARIYA MENDZHUL, <i>The phenomenon of "Soviet atheism" and its consequences for the family law of Ukraine</i>	707
List of authors	736

Wykaz autorów

Elena Nikitichna Meshcherskaya, syriac@inbox.ru, Russian Federation,
199 034, Sankt Petersburg, Universitetskaya nab. d. 7-9

Shumilo Svetlana, shumilosm@gmail.com, Nacionalnyi universitet
„Chernnihovskyi kollegium” im. T. Shevchenki, Chernigov, ul.
Hetmana Plubotka 53, 14000 Ukraine

Borys Przedpełski, b.przedpelski@chat.edu.pl, Chrześcijańska Akade-
mia Teologiczna w Warszawie, ul. Władysława Broniewskiego 48,
01-771 Warszawa

Mykhail Antoniuk, MmMAntonyuk@gmail.com, Kievskaa duhovnaa
Akademia i Seminaria, Kiev, ul. Lavrskaâ, 15, 01015, Ukraina

Dominik Tomczyk, dt@dominiktomczyk.com, Pentekostalne Semina-
rium Teologiczne, ul. Golikówka 10, 30-723 Kraków

Oleksandr Bilash, oleksandr.bilash@uzhnu.edu.ua, Uzhhorod National
University; Kapitulna st. 26, 88000 Uzhhorod, Ukraine

Mariya Mendzhul, marija.mendzhul@uzhnu.edu.ua, Uzhhorod Natio-
nal University; Kapitulna st. 26, 88000 Uzhhorod, Ukraine